Все охотно повторяют, что правду говорить легко и приятно. Сказать такое — что и говорить! — приятно, но сначала надо позаботиться, чтобы это было и правда так. Не будем забывать, кто это сказал и чем кончил.

Александр Жолковский

Известно, что во второй половине девятнадцатого века у образованной части русского общества был исключительно популярен толстый журнал. Художественно-публицистические издания имели огромный авторитет и значительно преобладали над книгой. Интересно, что на Западе журнал не имел такого преобладающего положения, как в России, и там «царствовала» книга.

В России новые произведения печатались сначала в журналах, и лишь затем выходили отдельными изданиями. Да и то не всегда.

В советское и постсоветское время авторитет толстого журнала у образованной публики сохранился, и можно сказать, что толстый журнал — это своеобразный буфер между книгой и читателем.

Любое литературно-художественное издание стремится максимально охватить современные тенденции литературных направлений. Попасть в толстый журнал — удача для любого автора, ведь такая публикация — некий знак качества.

Сегодня, дорогой читатель, мы полистаем прозу авторитетнейшего московского издания с почти столетней историей. Встречайте: «Новый мир»! Поехали!..

Роман «Деление на ночь»

Григорий Аросев, Евгений Кремчуков, №№7–8

Первыми, кто пожелает вернуться к этому очень необычному роману, будут читатели, интересующиеся философией, вопросами бытия, предназначения (предназначения «вообще»), вопросами смыслов, смысла смыслов, психологии, но не как психологии как таковой, а как инструмента в постижении одного из самых загадочных явлений в этом мире — человеческой души и её места в этом мире. И одним из таких читателей буду я, поскольку усвоить всё многообразие смыслов, трактовок и авторских точек зрения с ходу непросто.

Перед нами странное (в хорошем смысле) произведение: многослойное, сложное, более чем неоднозначное. «Роман-шарада». Ближайшая аллюзия, пожалуй, — «Игра в бисер» Германа Гессе. Кроме философского контекста, эти произведения, конечно, мало схожи сюжетно и по смыслу, но вот идейное ядро и некоторые замыслы, как мне кажется, весьма перекликаются: оба произведения — произведения-загадки, если хотите. Оба — и «Игру в бисер», и «Деление на ночь» — можно трактовать как некую «философскую игру», куда читатель приглашается в качестве наблюдателя как минимум и в качестве участника как максимум — участника рассуждений, возможного автора собственного, пусть и внутреннего, монолога.

Одна из центральных тем романа «Деление на ночь», как уже упоминалось, — бытие человека как некая объективная реальность — с одной стороны, но реальность ли и объективная ли — с другой. Насколько та самая объективность «объективна», если предположить, что человек (человеческая душа) может существовать в другой реальности, например, в наших снах? В момент сновидения мы пребываем в другом измерении, и та «объективная реальность», которую мы берём за отправную точку нашего существования в яви, в наших же снах ничего не значит!.. Несмотря на таинственность, детективную интригу, связанную с загадочным исчезновением одного из героев, и постоянные отсылки к теме смерти, роман трудно назвать мистическим в полной мере. Может, философско-мистическим, с элементами эзотерики? Ну, допустим... Лейтмотив смерти предлагается вниманию читателя часто, но как бы косвенно. Кроме того, «кастанедовский уход» пропавшего героя из реального мира подан столь изобретательно, что читатель до последнего ломает голову: «Так что же произошло на самом деле?!» Вопросы смерти здесь рассматриваются даже не на уровне чего-то неизбежного, сакрального, мистического и так далее, но на уровне какого-то абстрактного явления. Явления, которого как бы и... нет! То есть смерть существует, но как абстрактная категория, и на самом деле её — смерти то есть — не существует вовсе в привычном понимании! Так есть она или нет?!

Несмотря на мастеровитую выделку художественного полотна (стиль, образы, диалоги, великолепно достоверные персонажи), погружаться в это произведение трудно. Приходится предпринимать шахтёрские усилия, чтобы продвинуться вперёд. С самого начала произведение напоминает непрерывный поток рефлексий, разбавленных диалогами. Многие диалоги чудо как хороши, но затем вновь череда мыслей, мыслей, мыслей… Временами этих мыслей и рассуждений—чересчур, сюжет раскручивается медленно, как маховик. Однако эта «подготовка» необходима,—она формирует важное пространство, платформу событий, куда помещается читатель… Примерно со второй половины роман набирает обороты и приобретает необходимую динамику—читатель захвачен в плен и уже целиком во власти авторов. Персонажи—разные по замыслу—яркие, нестандартные, блёклые (по жизни), незаметные—очень достоверные и чрезвычайно настоящие, и они не отпускают. Своеобразно решена линия взаимоотношений «мужчина—женщина»—эротизм здесь какой-то очень бытовой, что ли…

В ироничной форме используется приём сказания: «И накренился самолёт на левую сторону, и увидел Воловских внизу Красное море, и осознал величие случившегося». Временами возникает стойкое ощущение неуместности этого приёма, и, несмотря на присутствие библейских линий, художественная мотивация порой не улавливается.

Одной из центральных мыслей романа может послужить, пожалуй, вот эта: «Число и точка, функция и линия—вот что имеет значение. Облако памяти, неевклидова сфера сознания, где заключена победа человека над пространством, над собственными пространственными и временными границами. Где натюрморт окружающего мира превращается в ноктюрн».

Рассказ «Старший брат»

Михаил Тяжев, №7

Короткое произведение, которое не может похвастать достойным качеством литературного вещества. Вызывает вопросы и психологическая достоверность: не веришь! В основе—криминальная линия, ведущая к невразумительной развязке: финал довольно неожиданный, но как читатель чувствуешь себя обманутым. Однако есть и существенные достоинства: рассказ динамичен, ярко эмоционален и пролетает легко и быстро…

Подборка «Искусство как подвох и другие виньетки»

Александр Жолковский, №7

В этого автора влюбляешься! Натурально, без аллегорий! Первое, что бросается в глаза,—очень тонкое, чистое по стилю письмо. И тончайшие же ирония и самоирония. Мысли и рассуждения, оригинально поданные, очень остроумны! Тонко остроумны! Исключительно выигрышна и форма: это короткие миниатюры («виньетки», как их называет сам автор), но чрезвычайно концентрированные по смыслу, сбалансированные—хочется применить технический термин—и приносящие при чтении настоящее, можно сказать—физическое, наслаждение!

Капитальный талант Жолковского, прежде всего, состоит в умении подавать глубокие и серьёзные мысли сравнительно простым и лёгким языком, выделанным тем не менее весьма мастеровито. Понять «основное», что хотел сказать автор, возможно и при минимальном читательском культурном багаже (хотя, конечно, определённая культурная же и филологическая подготовка не помешает—будет только интереснее). И всё это пронизано потрясающим юмором! Миниатюра «Искусство как подвох», прямо скажем, провокативна, и я предвижу недовольные лица у представителей определённой читательской аудитории, но хочется сказать, что говорить о серьёзном несерьёзно, да так, чтобы это было очевидно,—задача более чем нелёгкая!

Послевкусие исключительное—прочитанное ещё долго поёт в голове, и ты знаешь, что захочешь к нему вернуться не раз (наверное, самый мощный комплимент автору). Если вам, дорогой читатель, доведётся быть в компании, на банкете «короткой руки», где все свои и есть люди, обладающие вкусом, то можно блеснуть этими миниатюрами. Уверен, люди, склонные к нестандартной эстетике (да и к стандартной тоже) оценят предложенный «деликатес»! Он похож на благородное вино, хоть бы и игристое! Коротко, но точно эту подборку можно охарактеризовать такой цитатой: «В качестве словесных завитушек виньетки призваны радовать глаз и слух, но в качестве заметок о том, что было, вынуждены с кривоватой улыбкой держаться истины».

«Неродная речь»

Галина Зеленина, №7

Первое же погружение, буквально первые две-три страницы, вызывают оторопь. В журнале действует рубрика школьных сочинений? Односложные предложения, рубленые и короткие, как у троечников. Помните: «Чем меньше слов в предложении, тем меньше можно допустить ошибок». Дальше читатель испытывает ещё большее недоумение, столкнувшись с небольшой инструкцией «как принимать гостей», и уж совсем необычно выглядит короткая справка «зачем нужны библиотеки» и наставление «как записаться в городскую библиотеку». Разумеется, опытный

участник литературного процесса обязательно поймёт, что это авторский приём. Довольно странный, но применённый осознанно и умышленно. И, следует сказать, работает это мощно, задавая иррациональный контраст тексту, который следует дальше и усиливает авторский замысел.

Нетрудно предвидеть скепсис иных читателей, которые могут воскликнуть: «Ну сколько можно об одном и том же?!»; «Но отработанный ведь материал, все уже писали об этом!»; «Опять о жертвах репрессий, о советском строе, как всё было плохо?! И не надоело?!..»; «Да сколько можно демонизировать советский строй?!»—и так далее, и тому подобное… Наверное, отчасти эти читатели будут правы, но мне бы хотелось сказать, что затрагивать эти страшные темы только тогда, когда это «востребовано и модно», пожалуй, то ещё кощунство перед памятью, историей, правдой и особенно теми, кто стал жертвой страшного времени. И здесь искусство хорошего литературного слова призвано не только и не столько развлекать (в своё время тема эта эксплуатировалась довольно спекулятивно и бессовестно на волне всеобщего интереса), сколько соответствовать более высокой и ответственной миссии: сохранить память о вещах, о которых неудобно говорить (особенно когда это всем «надоело», дескать: «Было и было—кто старое помянет, тому…»), о вещах, о которых нельзя забывать, о которых не имеем права забывать! Хотя бы для того, чтобы такое никогда не повторилось!

Эта тяжёлая проза, неудобная, но она необходима! Как говорил Ницше: «В вещах интеллектуальных нужно быть честным до жестокости».

Короткие рассказы «Всё вот это вот»

Янис Грантс, №8

Всю подборку, в которой рассказы имеют лишь номинальный сюжет, можно охарактеризовать как результат рефлексии опыта. Мне кажется, что этой прозе присущи черты импрессионизма. Сюжеты статичны, что время от времени подчёркивается поэтическим рефреном; в развёрнутых локациях не происходит почти ничего значительного, а чёткая авторская мысль уступает место, скорее, пассивному нервическому восприятию происходящего (как персонажами, так и автором); герои зачастую пассивны, хотя и неуравновешенны, и почти всегда погружены исключительно в собственные переживания. За отсутствием выраженного сюжета мало выражен и конфликт, обозначенный лишь штрихами и символически. В наибольшей степени это касается миниатюр «Ошибся», «Шестнадцать» и «Звезда».

Думаю, это экспериментальная проза; подразумевается непрерывный поиск новых решений. Во многом эти рассказы базируются на постмодернистской платформе: фрагментарность, ирония, а также попытка стереть границы между «традиционным» и «нетрадиционным», попытка (возможно, непроизвольная) сменить полярность.

Улавливаются и экзистенциальные черты («Тихоня» и особенно «Враньё»): уникальные вопросы бытия, рассматриваемые в тесной связи с природой чего-то очень эмоционального, влияющего на нравственный выбор; попытка понять причины неустроенности индивида, недовольства миром, а также, среди прочего, понять, как нами могут управлять маленькие и очень маленькие страхи.

Ключевая мысль всей подборки могла бы быть такая: «Ждать—вот что самое невыносимое».

Рассказ «Попова Курья»

Максим Гуреев, №8

Убийство, психологические муки, страхи, игры подсознания… Само изложение истории—литературно яркое, колоритное. Однако, несмотря на серьёзный набор вышеизложенных качеств, произведение воспринимается как что-то чрезвычайно развлекательное и легковесное. Сюжетный перевёртыш и сознательное введение читателя в постоянное заблуждение «убийца/не убийца» сводят на нет весь драматический градус, выставляя сюжет в крайне спекулятивном свете. Труп находят, ножевых ран нет: «Значит, не убийца? или всё-таки убийца?..» Настроенный на серьёзную драму читатель обманут, ибо драма не состоялась, превратившись в аттракцион…

Повесть «Соединённые штаты мечты»

Александр Мелихов, №8

В этом произведении фактически отсутствует сюжет. Повествование напоминает бытовые зарисовки о буднях вахтовиков «на севера́х», скрашенные чисто мужским, временами солёным юморком. Темп повествования также избран более чем неспешный. Много ярких, колоритных образов: «Обломова в науку привела беда. Смышлёный колхозный пацан учится на колы и двойки и в пятнадцать лет разбирает и чинит любой мотор, квасит на равных со взрослым и на равных вваливается в правление качать права… подкладывает под председательское крыльцо откопанную… гранату…» Один из героев ближе к финалу едва не погибает, но, к счастью, всё завершается благополучно.

Несмотря на колорит, интересные детали и авторские находки, произведение выглядит беспощадно затянутым, и полученная мораль не оправдывает читательского долготерпения…